

Осознание Луффи обрушилось на него, как тонна кирпичей.

"Подожди, ты знаешь моего дедушку? Неудивительно, что твои удары причиняют такую боль. Давай, Коби, давай выбираться отсюда".

Без дальнейших церемоний Луффи и Коби спрыгнули с военного корабля, стремясь увеличить дистанцию между собой и Каном.

Опасения Луффи по поводу ударов пожилого фехтовальщика заставили его сравнить его с собственным дедом, что свидетельствует о силе Кана.

"Генерал-лейтенант Кан, разумно ли вот так его отпускать? Он направляется прямиком к жизни пирата!" Спросил Поча с ноткой беспокойства в голосе.

Кан отмахнулся от беспокойства пренебрежительной волной. "Все в порядке. Луффи другой. Кроме того, у него нет награды. Нет смысла его арестовывать".

Поча был ошеломлен. Акцент Кана на награде был довольно неожиданным.

"Награда? С каких это пор генерал-лейтенанта Кана волнует награда?" Поча озадаченно поинтересовался.

Любопытство Поча росло по мере продолжения их разговора, а мысли Кана переключились на денежные соображения и вознаграждение за поимку пиратов. Поча не мог не чувствовать смесь замешательства и изумления.

"Но генерал-лейтенант Кан, мы военнослужащие военно-морского флота. Мы не имеем права получать награды", - пояснил Поча с ноткой гордости в голосе.

Кан поднял бровь. "Поча, ты упускаешь главное. Ты действительно думаешь, что меня волнуют награды? Давайте просто попросим кого-нибудь сыграть роль охотника за головами и таким образом получим вознаграждение".

Глаза Поча расширились, когда он понял план Кана, осознав, что тот подходил к ситуации с узкой точки зрения.

"Правильно! Мы - военно-морской флот; наша цель - правосудие!" Убежденно заявил Кан. "Поча, я помню, что твоя семья нуждалась в средствах, верно?"

Поча нерешительно кивнула, не уверенная, к чему клонится разговор.

Кан ухмыльнулся. "Что ж, тогда почему бы тебе не присоединиться ко мне и не разделить награды? Принципы и справедливость флота не пострадают, а твоя семья выиграет".

Сердце Поча наполнилось благодарностью, когда он сдерживал слезы. "Генерал-лейтенант Кан, спасибо вам. Для меня большая честь служить под вашим началом".

Объявление Каном нового подхода к обращению с захваченными пиратами было встречено одобрительными возгласами и энтузиазмом присутствующих солдат военно-морского флота. Его планы по перераспределению вознаграждений и созданию более прибыльной среды были встречены с горячим одобрением.

Когда волнение улеглось, внимание Кана привлек телефонный жучок. Военный моряк передал ему трубку, сообщив, что на линии адмирал флота Сэнгоку.

Выражение лица Кана сменилось с любопытства на удивление. С чего бы старому маршалу обращаться к нему?

Воспользовавшись телефонным жучком, он соединил звонок. Голос на другом конце принадлежал Сэнгоку.

"Моси, Моси! Это ты, Кан?" Поинтересовался Сэнгоку.

Кан усмехнулся. "Да, это я. В чем дело?"

"Ваше заявление о выходе на пенсию официальное? Если да, то я продолжу и одобряю его", - ответил Сэнгоку.

Веселье Кана было ощутимым. "На пенсию? С каких это пор я решил уйти на пенсию? Ты, должно быть, ошибаешься, старик".

Возможность Кана уйти в отставку без поддержки флота не соответствовала его целям по накоплению богатства, но он понял, что все еще может внести значительный вклад в служебную жизнь.

"Хорошо, хорошо. Я не буду больше тебя дразнить. Думаю, я смогу продержаться здесь еще несколько лет", - сказал Кан.

Сэнгоку был ошеломлен. "Я правильно расслышал?"

"Я все еще должен служить справедливости", - съязвил Кан с оттенком озорства в голосе.

Сэнгоку на мгновение замолчал, прежде чем предупредить Кана, чтобы он не высывался. Ситуация с Императрицей пиратов привлекла много внимания, и участие Кана требовало тщательного контроля.

Выражение лица Кана стало серьезным. "Кто-то донес на меня? Это Акайну? Думаю, он затаил бы обиду, но он очень гордый. Должно быть, это сделали его подчиненные".

Сэнгоку подчеркнул, что этот вопрос был связан с вышестоящим начальством во флоте.

Глаза Кана сузились. "Прекрасно. Просто скажи им, что я не Зефир. Если они свяжутся со мной, то столкнутся с последствиями".

Чувствуя осязаемое разочарование, Кан обрушился с критикой на гиппократию мирового правительства. Он признал свой вклад в дело военно-морского флота, но отказался, чтобы его использовали в качестве простой пешки. С этими словами он повесил трубку со смесью решимости и раздражения на лице.